

Григорий Гладий — в интервью «Газете»

«Жизнь в Лос-Анджелесе мне активно не нравится»

Одним из событий Авиньонского фестиваля стало выступление «Школы драматического искусства» Анатолия Васильева, показавшей два спектакля: «Моцарт и Сальери» Пушкина и «Песнь XXIII. Илиада» Гомера. Специально для Авиньонского фестиваля Васильев поставил новую версию «Моцарта и Сальери». Роль Сальери сыграл в ней актер Григорий Гладий — ученик Васильева, один из ведущих актеров «Школы драматического искусства», эмигрировавший в 1990-е годы. Гладий ставит спектакли в Канаде и на Украине, проводит мастер-классы в Швеции, Австрии, Италии, Швейцарии. Специально для «Газеты» с артистом побеседовала Ольга Романцова.

Григорий Гладий в фильме Константина Лопушанского «Гадкие лебеди»

Эстетика Васильева сильно изменилась с тех пор, как вы у него работали. Трудно ли было сыграть Сальери?

Это было непросто, но интересно. Театр стал совсем другим, но мне захотелось еще раз почувствовать себя учеником, научиться играть по новым законам. Я благодарен Васильеву за возможность еще раз сыграть в его спектакле. Анатолия Александровича не интересует психология взаимоотношений Моцарта и Сальери. Он выходит на иной уровень, ставит мистерию, рассматривает метафизические вопросы. В «Моцарте и Сальери» много музыки, и композиция спектакля выстроена по музыкальным законам. Мне это очень близко: я люблю музыку и считаю ее высшим из искусств.

Театр Васильева не раз сравнивали с монастырем.

Думаю, это опасное сравнение: театр и монастырь — полярные пространства. Однако театр Васильева — единственное место в России, а может быть, и во всем

мире, где актеры самоотверженно посвящают себя экспериментам, ищут новый театральный язык. Все это мне очень нравится. «Школа драматического искусства» — единственный островок, способный дать мировому театру сильнейший импульс для духовного прорыва. После работы с Васильевым не интересен никакой иной театр. Никто не может с ним сравниться, даже его многочисленные ученики. Анатолий Александрович — человек мощной харизмы, он оказывает на людей огромное влияние. Хотя сейчас его островок оказался совершенно незащищенным от агрессии, царящей вокруг.

Почему вы решили уехать в Канаду?

Я ничего не решал: не люблю планировать, загадывать, обдумывать и большей частью поступаю импульсивно... Хотя сейчас понимаю, что для моего отъезда имелись веские причины. У меня никогда не было московской прописки. Даже работая в театре Васильева, я, как и большинство его сотрудников, существовал полуле-

гально и всегда понимал, что я не у себя дома. Когда я уезжал, у меня было ощущение ухода от каких-то проблем, от какой-то тяжести, которая надо мной нависала... Все произошло само собой. Когда театр Васильева показал в Монреале «Шесть персонажей в поисках автора» Пиранделло и получил приз Ассоциации театральных критиков, руководство Национальной театральной школы попросило устроить встречу учащих с актерами нашего театра. Все страшно затосковало: у нас единственный выходной, всем хочется прогуляться по городу, а тут нужно что-то показывать, рассказывать. Но Васильев попросил пятерых актеров, среди которых был я, пойти на встречу. Это решило мою судьбу.

После встречи, где я рассказывал, как мы работаем, и показывал с Наташей Колякановой фрагменты «Нельской башни», меня пригласили сделать постановку в Национальной театральной школе. Я выбрал «Приглашение на казнь» Набокова. Этот спектакль в Монреале помнят до сих пор. В нем было много интерес-

ного: студенты бегали по театральному балкону, заходили в ложи, свисали вниз головой с ярусов. После этого меня пригласили в театр «Ла рие» поставить «Возвращение домой» Пинтера; я получил приз Ассоциации театральных критиков за лучшую режиссуру, а актер Жиль Третье, игравший отца, — приз за лучшую мужскую роль. Сразу появились предложения сняться в кино. Свою первую роль на французском языке я сыграл в экспериментальном фильме, еще не зная ни слова по-французски. Пришлось учить текст наизусть.

Сколько вы знаете языков?

Пять. Русский, литовский, польский, английский и французский. А когда Васильев вместе с актерами был в Центре Ежи Гротовского и Гротовский разговаривал с нами, я переводил эту беседу. Вся информация, которую он хотел нам передать, шла через мой перевод.

В каком городе вы сейчас живете?

В Монреале. Для меня он — самый красивый в мире. Я нигде не видел такой архитектуры. В центре города есть небоскребы, но в основном он застроен небольшими домиками со множеством винтовых лестниц. Монреаль чем-то похож на Амстердам, он такой уютный, и там нет кривых улиц, все улицы ровные, прямые, светлые. В Монреале силен латинский дух, а в Торонто — англосаксонский. Это абсолютно разные миры. Латинский дух мне ближе, он ближе и к европейскому, а Торонто напоминает США. Наверное, если бы я жил в Торонто, мне захотелось бы переехать в Лос-Анджелес.

А что мешает? Вы же не раз снимались в американских фильмах.

Лос-Анджелес мне активно не нравится. Там нужно зарабатывать много денег и с шиком их

тратить, чтобы все обращали на тебя внимание. Делать не то, что тебе хочется, а то, что делают все. Это меня абсолютно не привлекает. Актеры подрабатывают где только могут, бегают по кастингам, стараются понравиться агентам. Я никогда этим не занимался. Мне нравится нормальная, не гламурная жизнь. Я ставлю спектакли, играю у других режиссеров, занимаюсь тем, что мне интересно. При этом не бедствую, зарабатываю деньги и трачу их так, как хочу. Хотя, конечно, на голливудских съемочных площадках фантастическая дисциплина. Все расписано по секундам, свет и остальное оборудование ставится просто мгновенно. И к актерам относятся не так, как в России. Если от гостиницы до съемочной площадки метров пятьсот, тебя все равно везут на лимузине и снимают тебе в отеле шикарные апартаменты.

Вы до сих пор чувствуете себя в Канаде иностранцем?

Канада — абсолютно открытая, космополитическая страна. Там нет вражды между людьми. Даже евреи там неплохо себя чувствуют. Приехав из Канады в Москву, я ощутил, насколько агрессивно ведут себя здесь люди. На Украине сейчас спокойнее, хотя там обострились межконфессиональные отношения. При Сталине, в 1946 году, на Западной Украине начались гонения на грекокатолическую церковь. Она ушла в катакомбы, монахов и священников уничтожали, как мучеников первых христианских времен. Сейчас церковные здания возвращают греко-католикам, но чтобы их вернуть, нужно их у кого-то отнять, и начинается страшная неразбериха...

Какой спектакль вы хотели бы поставить в театре Васильева, если бы представилась такая возможность?

«Страшную месть» Гоголя. Я сделал бы настоящую мистерию.